

Хроника научной жизни

XVI ЛЕОНТЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ: «РОССИЯ 1917–2017: ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ИЛИ ОСОБЫЙ ПУТЬ?»

Андрей ЗАОСТРОВЦЕВ

Андрей Павлович Заостровцев —
кандидат экономических наук, старший научный
сотрудник МЦСЭИ «Леонтьевский Центр»
(190005, Санкт-Петербург,
ул. 7-я Красноармейская, д. 25).
E-mail: zao-and@yandex.ru

Тот факт, что 2017 год — особый для России, у организаторов традиционных «Леонтьевских чтений» в Международном центре социально-экономических исследований (МЦСЭИ) «Леонтьевский Центр» в Санкт-Петербурге не вызывал никаких сомнений. О чем же еще говорить в городе, где 100 лет назад произошли сразу две революции, как не о последующем пути, по которому пошла Россия? И перед выступавшими экономистами, историками, политологами и юристами был поставлен вопрос, вынесенный в название конференции. Очевидно, что этот вопрос гораздо более фундаментален для понимания России, чем ее извечные прикладные вопросы «что делать?» и «кто виноват?».

Ныне не очень модная, но в свое время очень влиятельная теория модернизации провозглашала: существует авангард, состоящий из демократических стран с развитыми рынками, за которым идут все прочие страны. Идут с тем или иным отставанием, теми или иными темпами, но идут. В конце концов они когда-нибудь подтянутся к авангарду и даже в какой-то своей части сольются с ним. Дорогу им показывает путеводная звезда, и светит она для всех.

Теория модернизации пережила два пика популярности: примерно в 1960–1970-е годы и после краха коммунизма, то есть в 1990-е. Однако ближе ко второму десятилетию XXI века стало очевидно, что посткоммунистические страны не выстраиваются в затылок друг другу в очереди за конституционной демократией и либеральным рыночным порядком. Скорее наоборот. Даже на территории бывшего СССР возникли самые разные социальные порядки — от стран Евросоюза до архаических моделей восточных деспотий. И никакого сближения между ними не наблюдается.

Из всех прозвучавших на конференции докладов для данного обзора отобраны те, что так или иначе затрагивают проблемы, актуальные для современной институциональной экономической теории и экономической истории.

Конференцию открыл пленарный доклад известного в России шведского экономиста *Стефана Хедлунда* (PhD, Уппсальский университет). Наверняка многие читатели журнала «Экономическая политика» познакомились с его книгой «Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала»¹. Свой доклад он назвал «Привлекательность добычи: фундаментальные институты стратегии российского долгосрочного развития». Первые два слова в русском переводе, как ни удивительно, дают более глубокое понимание российской реальности, чем в английском оригинале (*the attraction of extraction*). Под «добычей» автор имеет в виду просто-напросто добычу даров природы (от воска и шкурки соболей до нефти и газа), но, как известно, в русском языке слово «добыча» означает еще и то, что победитель в бою забирает у поверженного врага.

С. Хедлунд превосходно показал, что на протяжении всей русской истории воспроизводятся три фундаментальных института: неподотчетное правительство, условные права собственности и служилый нобилитет, получающий материальное вознаграждение посредством кормления. Возникшие как эффективные институты, обеспечившие выживание Московии во враждебном окружении, они до сих пор определяют облик современной России. Однако важен также доминирующий паттерн поведения (от него и произошли первые два слова, с которых начинается название доклада): добыча природных благ ради финансирования милитаризации. Этому паттерну вполне отвечают три упомянутых фундаментальных института, чем и объясняются их феноменальная устойчивость и воспроизводство на протяжении столетий.

Докладчик рассматривает российский XX век как «долгое столетие». Этот подход нетипичен — обычно его, напротив, рассматривают как короткое столетие, начало которого совпадает с Первой мировой войной, а окончание — с крахом коммунизма и СССР. У Хедлунда же старт XX веку дает смерть Александра III в 1894 году, а заканчивается он завершением осуществленной В. Путиным реставрации, которое датируется окончанием его второго президентского срока. В этом «долгом столетии» выделяются два вложенных периода, или субпериода. Первый — это переход от Российской империи к СССР, второй — временной отрезок между крахом СССР и формальной передачей президентских полномочий Д. Медведеву. Внутри каждого субпериода есть свои «смутные времена» — легко догадаться, какие.

¹ Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2015.

Правда, в первом случае начало смутного времени отсчитывается отнюдь не с Первой мировой войны, а с революции 1905 года.

В докладе развиваются и общие положения новой институциональной теории применительно к истории. Первое положение, в общем-то, не очень ново. Его можно свести к тезису, что «исход процесса институциональных изменений будет определяться формированием ожиданий, которые вытекают из убеждений, в свою очередь укорененных в ценностях». Тем самым Хедлунд твердо встает на сторону тех, кто видит неформальные институты в убеждениях и ценностях людей и придает им решающее значение в деле исторических перемен.

Это убеждение автора лежит в основе и второго положения, в котором присутствует известная новизна. Он старается примирить два представления о человеке, экономическое и социологическое, разводя их в разные плоскости. Пресловутый *homo economicus* — это не глупость, а просто описание поведения человека в рутинных ситуациях, когда решения принимаются в условиях информированности и минимальных рисков. И совсем по-иному ведет себя человек во времена, когда привычные правила рушатся. Здесь на авансцену выходит *homo sociologicus*: он опирается на свой прошлый опыт, а следовательно, на те самые укорененные в нем убеждения и ценности. И именно они (а не соображения рациональности) начинают руководить его действиями. Отсюда и знаменитая *path dependence* (зависимость от траектории предшествующего развития, или, как еще иногда говорят, «эффект колеи»). Из этого следует вывод, что история имеет значение, но не в каждодневной жизни, а в поворотные свои моменты, поскольку именно тогда происходит активация неформальных норм.

Именно на основе этой теории С. Хедлунд делает свое финальное заключение о России: «Московитское наследие остается определяющей характеристикой российского институционального развития — и, кажется, Кремль не сильно возражает против этого».

Доклад *А. П. Заостровцева* (к. э. н., МЦСЭИ «Леонтьевский Центр» и НИУ ВШЭ, СПб) своей тематикой был тесно связан с докладом С. Хедлунда. Его тема: «Служилое государство в постсоветской России: вторая реинкарнация “матрицы Московии”». Автор выделяет в системе институтов ее наиболее устойчивую и воспроизводимую во времени часть — институциональное ядро. Разные авторы используют для ее обозначения различную терминологию: «Русская матрица», «Русская власть», «Русская система» и т. д. По мнению докладчика, термин «Матрица Московии», который использует С. Хедлунд в вышеупомянутой книге, наиболее точно определяет исторические корни современных российских институтов. Московия XIV–XV веков впитала в себя институты Золотой Орды и фактически обрела все характерные качества восточной деспотии. Институциональное ядро сформировавшейся вокруг Москвы цивили-

лизации с тех пор включает такие составляющие, как самовластие, имперство, деавтономизацию личности, власть-собственность, сословное общество и административную ренту.

Первая «реинкарнация» этих институтов осуществилась в виде так называемого социалистического строительства, когда радикально сменилась их оболочка, но не суть. Так, имперство стало проявляться в форме экспорта социализма (институтов деспотии, вертикально интегрированного общества) под лозунгами международного коммунистического движения. Докладчик обратил особое внимание на то, что личность в описываемой им институциональной системе не обладает суверенитетом, становясь принадлежностью воплощенного в государстве верховного начала.

Вторая «реинкарнация» происходит в XXI веке. Она осуществляется непоследовательно, целостность «Матрицы Московии» еще не восстановилась. Однако доминирующий тренд движения направлен именно в эту сторону. Тем не менее в системе отношений собственности практически полностью сформировалась новая разновидность «властесобственнических» отношений. Безусловная частная собственность оттеснена на периферию (квартиры, дачи). Что касается собственности на производственные и финансовые активы, то здесь в обновленном виде явились на свет поместное и вотчинное владение. Главы госкорпораций, государственных АО — поместные владельцы, а формальные частные собственники ближе к вотчинникам. Причем с начала XXI века доля современной вотчинной собственности сокращается, верх берет поместная форма владения. В любом случае, и те, и другие не вольны распоряжаться контролируемыми активами, принципиальные решения принимает «верховный собственник».

Современное российское общество — сословное общество, сотканное из определяемых государством групп с различными неформально закрепленным за ними социальными статусами. Права человека не принадлежат ему как суверенной личности, а определяются вместе с вхождением в то или иное сословие. В соответствии с местом в сословной иерархии за ним закреплено и право на административную ренту, неверно называемое коррупцией. Это типичная ошибка переноса: свойства Западной цивилизации с ее разделением публичного и частного переносятся на цивилизацию восточного типа, где такое разделение отсутствует в принципе. Не случайно некоторые официальные лица открытым текстом говорят о борьбе с коррупцией как о покушении на Россию. Все ее институциональные основы взаимосвязаны друг с другом, включая «реинкарнацию» практики, известной издревле как кормление.

Г. Л. Тульчинский (д. ф. н., НИУ ВШЭ, СПб) посвятил свой доклад осмыслению российских модернизационных инверсий. Доклад так и назывался, но включал дополнение, озаглавленное «от А. Ахиезера к С. Хедлунду». В нем все крупнейшие российские реформы (начи-

ная с Александра II и заканчивая Е. Гайдаром) рассматривались как догоняющие модернизации в режиме «ускоренного транзита». Было выдвинуто важное методологическое положение: концептуальный аппарат, выработанный и отточенный на одной социальной реальности, дает сбой при объяснении другой. Докладчик обратил особое внимание на цикличность социальных процессов в России, на их «чрезвычайную размашистость».

Схема модернизации подобна реализации мотивационного механизма: намерение (представление цели как образа желаемого будущего или знания нежелаемого настоящего) + возможности (ресурсы, подготовка, способности) = решение → действие → результаты + их оценка.

В докладе был высказан интересный тезис о том, что для неограниченной власти реформы представляют собой соблазнительное искушение еще раз продемонстрировать свое доминирование. В результате модернизация в советский период приносила и принесла двойственные, противоречивые результаты. Например, с одной стороны, урбанизация, массовое общество, новые социальные лифты, но с другой — подорванное сельское хозяйство и заточенные под решение военных задач промышленность и наука.

В настоящее время общественная модель и транслируемая властью система ценностей погружены в прошлое и не имеют образа будущего. Докладчик полагает, что путь России — это действительно колея, из которой не удастся выбраться до тех пор, пока власть не станет заинтересована в реальной модернизации, пока не будет проявлена политическая воля к ней.

Инверсивный характер российских модернизаций имеет две причины: социальную, связанную с доминированием властной воли при неразвитости социальных сил, и теоретическую, связанную с попытками модернизации с опорой на чей-то исторический опыт. Для конструктивного обновления социума необходимы социальные группы и социальные силы, имеющие артикулированные интересы и ресурсы их достижения. Российский же социум обессилен властью, которая озабочена собой, а не обществом.

В докладе *В. Л. Тамбовцева* (д. э. н., МГУ) рассматривались разные точки зрения на роль культуры в модернизации общества. Автор пытался выяснить, является ли она положительным, отрицательным или нейтральным фактором. Были поставлены два принципиальных, по его мнению, вопроса: (1) что понимается под культурой и (2) о культуре каких субъектов идет речь. Исходя из имеющихся подходов к исследованию национальных культур можно выделить следующие основные варианты понимания культуры: с одной стороны, культура — это совокупность социетальных ценностей, с другой — совокупность норм поведения, или поведенческих практик. В качестве «носителя» культуры имеет смысл рассматривать: а) всё население

страны; б) различные ресурсообеспеченные группы, выступающие потенциальными агентами модернизации, включая «правителя», то есть высшее руководство страны.

Автор критикует сторонников понимания культуры как совокупности социетальных ценностей всего населения. С позиции статистики, перенося параметры, характеризующие совокупность опрошенных, на каждого из ее членов, исследователи совершают так называемую экологическую ошибку, то есть приписывают статистические отношения, существующие на уровне группы, каждому элементу этой группы. С точки зрения поведенческого анализа репрезентация культуры ценностями непродуктивна, поскольку они не влияют непосредственно на поведение: между ценностями и действиями находится несколько опосредующих факторов, которые определяют действия не в меньшей, а порой и в большей степени, чем ценности.

Что касается второй трактовки культуры — как совокупности неформальных норм и связанных с ними ментальных конструкций, то с ней связано выяснение распространенности так называемых социальных аксиом в различных культурах. Если ценности — это представления о предпочтительных состояниях окружающего мира, то социальные аксиомы — это убеждения в отношении существования связей как между компонентами мира, так и между ними и действиями людей. Измерить социальные аксиомы эмпирически сложнее, чем ценности, но такой опыт есть.

Во второй части доклада обращается внимание на то, культура каких субъектов может быть значима с точки зрения влияния на процессы модернизации, после чего обсуждается вопрос о существовании и значимости агентов изменений, то есть влиятельных индивидов или групп, способных осуществлять трансформации социально-экономических феноменов. Эти агенты могут теми или иными способами преодолевать сопротивление тех, кому такие изменения не представляются приемлемыми.

В современной России, по мнению В.Л. Тамбовцева, потенциальными агентами модернизационных изменений выступают следующие группы: чиновники высоких рангов (включая силовиков), менеджеры и владельцы крупных фирм, а также предприниматели (крупные и средние). Будут ли имеющиеся у них ресурсы использованы для сохранения статус-кво или для его изменений, а если для изменений, то каких, зависит, в частности, и от их культурных характеристик, таких как сложившиеся у них социальные аксиомы, субъективные нормы и т. п.

Докладчик приходит к заключению, что на данный момент научных оснований для каких-либо выводов о том, является ли российская культура фактором, тормозящим, ускоряющим или никак не влияющим на процессы модернизации, просто нет.

Большой интерес вызвал доклад *П. А. Ореховского* (д. э. н., ИЭ РАН и Финансовый университет при правительстве РФ) «Дискурс российской модернизации: неизбежность очередного провала». Теория

модернизации предполагает наличие «магистрального пути», следуя которым отсталые страны могут добиться богатства и догнать развитые. Для этого необходимо заимствовать не только технологии, но и институты западных стран. Часть ученых относятся к этой теории скептически. В частности, наличие магистрали отрицалось школой мир-системного анализа (Дж. Арриги, И. Валлерстайн), наличие исторических законов (историцизм) отрицается австрийской школой.

Появление Советского Союза рассматривалось как подтверждение теории модернизации в ее марксистской версии. Вплоть до 1980-х годов социализм считался следующей, более высокой общественно-экономической формацией.

Распад СССР и возврат к капитализму сопровождался большими потерями национального богатства, деиндустриализацией, ростом преступности. После стабилизации вновь возникает дискурс модернизации, возврата России на магистральный путь развития, переноса и адаптации западных институтов на отечественную почву. Однако XXI век — время постмодерна, в этот период возникают и действуют другие социальные акторы. Буржуазия, рабочие, крестьяне — уходящие социальные группы. Дискурс модернизации — идеологическая конструкция, маскирующая неадекватность российской экономической науки нынешним реалиям. Автор приходит к выводу о том, что «российский дискурс модернизации во всех своих рассмотренных нарративах не имеет практически никакого отношения к собственно теории модернизации, акторы которой — буржуа, промышленные рабочие, крестьяне, «третье сословие» — давно ушли в политическое небытие».

Политолог В. Я. Гельман (к. п. н., Европейский университет, СПб и Университет Хельсинки) сделал темой обсуждения дилеммы и ограничения авторитарной модернизации. Для начала он отметил довольно сильную поддержку идей авторитарной модернизации в мире и в России. Ее сторонники видят ее преимущества в снижении рисков политической нестабильности и популистского политического курса как побочных эффектов демократизации. Но ее опыт сомнителен. В. Я. Гельман привел слова известного экономиста Д. Родрика о том, что «на каждого Ли Кван Ю в Сингапуре приходится много Мобуту в Конго». Россия же не Сингапур и не Конго: некоторые успехи развития в 2000-е годы сопровождались неудачами, а после 2014 года проект «авторитарная модернизация» был почти закрыт.

В структурном плане Россия на выходе из СССР была модернизированной страной (индустрия, человеческий капитал и т. п.). Однако в постсоветский период выявилось низкое качество государства и его бюрократии, что стало препятствием для установления «верховенства права». Политическим выбором ключевых игроков стало строительство электорального авторитаризма. В итоге получилась комбинация худших (с точки зрения проекта авторитарной модернизации) элементов демократии и авторитаризма. В полной мере проявляются такие дефекты демократии, как «политические бизнес-циклы»,

«перераспределительные коалиции», «вето-игроки». В то же время налицо дефекты авторитаризма: отсутствие политической конкуренции и подотчетности, преднамеренное строительство неэффективных институтов. Явно выражена погоня за рентой.

Дилеммы и ограничения авторитарной модернизации хорошо известны и, разумеется, имеют место не только в России. К ним относятся «дилемма короля», когда экономическое развитие влечет за собой спрос на невыгодные режиму политические перемены; «дилемма политика», когда реформы возможны лишь в узком диапазоне приоритетных сфер в особых условиях («карманы эффективности»). Докладчик добавил к этому перечню «вызовы несбывшихся обещаний» и «синдром посредственности». В первом случае речь идет об амбициозных планах, которые невозможно воплотить в жизнь в полном объеме или даже частично. Их наличие является следствием второго дефекта — неоправданно завышенных самооценок и ожиданий при реально низкой эффективности.

В заключительной части доклада была затронута тема ограничений и противоречий постсоветского проекта авторитарной модернизации. Автор отметил, что идея модернизации использовалась во времена президентства Д. Медведева как технологический «девайс» для легитимизации сохранения политического статус-кво и был очевиден разрыв между риторикой и реальностью. В настоящее время в политических и экономических институтах господствуют группы специальных интересов («захват государства» изнутри), нет защиты прав собственности и верховенства права, и всё это представляет почти непреодолимый барьер на пути реформ. Политический курс — «изоляция» правительства от воздействия со стороны политиков и общества — не всегда способствовал успеху реформ (достаточно вспомнить весьма скромные результаты реформ начала первого десятилетия текущего века). И при всем этом остается открытым вопрос, в какой мере постсоветские достижения на пути модернизации в России (по крайней мере до 2014 года) стали следствием электорального авторитаризма или эти результаты были получены вопреки ему или независимо от него.

История НЭПа в интерпретации австрийской экономической школы была представлена *П. В. Усановым* (к. э. н., РАНХиГС, СПб). Актуальность доклада его автор определил тем, что история введения и свертывания НЭПа показывает, как связаны экономическая и политическая свободы. В докладе убедительно показано, что отход В. И. Ленина от политики военного коммунизма был исключительно вынужденной мерой в условиях крестьянских восстаний. Нормой коммунисты считали военный коммунизм, а НЭП — вынужденной аномалией на пути строительства «светлого будущего». Известна фраза Г. Е. Зиновьева о том, что НЭП есть лишь временное отклонение, после которого последует новая решительная атака труда на фронт международного капитализма.

В докладе показано, что в эпоху НЭПа целый ряд экономистов высказывали идеи, близкие к идеям австрийской экономической школы. Кроме всем известной критики Б. Д. Бруцкусом эпохи военного коммунизма (которая удивительным образом совпадает с критикой, данной Л. фон Мизесом), упоминаются высказывания Л. Юровского, А. Яхнич, З. Каценеленбаума и В. Новожилова.

В докладе подчеркивалось, что австрийская школа являлась мировым экономическим мейнстримом 1920-х годов, потому практически все возражения социалистам велись с ее позиций. Однако по понятным причинам распространение идей школы в научных дискуссиях не сопровождалось распространением их в университетах. «Умирание» школы в СССР связано с угрозой жизни всем, кто выступал против большевистской экономической политики.

В рассмотрении кризисов НЭПа автор последовательно указывает на то, что всё это были кризисы, связанные с государственным интервенционизмом, а не с рынком. Каждый из них использовался как предлог для еще большего государственного вмешательства до тех пор, пока НЭП не был окончательно задавлен коллективизацией и индустриализацией.

В заключительной части «Леонтьевских чтений» состоялось традиционное вручение Международных Леонтьевских медалей «За вклад в реформирование экономики» лауреатам 2016 года. Лекция одного из лауреатов — Л. М. Григорьева (к. э. н., НИУ ВШЭ) отвечала тематике конференции. Называлась она «Будущее важнее истории». В начале лекции были перечислены принципы подхода, на которых строил свои концепции докладчик. Согласно им положение и интересы каждого набора акторов меняются на каждом переломе истории. При этом меняется и состав самих акторов — нет жесткого состава «команд». В обществе мы наблюдаем динамический процесс: раз акторы меняют свои интересы в зависимости от реалий и сами меняются, то каждому этапу соответствует и специфический характер их взаимодействия. Этим объясняется смена относительной силы акторов и их ролей.

Свою оценку российской специфики лауреат сформулировал следующим образом: если у большинства крупных государств Европы и Азии было много войн и мало мира, то у России никогда не было мира, так как она расположена в неудобном месте — на перекрестке Европы и Степи.

В лекции была дана характеристика и реформ 1990-х годов. Ни элиты, ни реформаторы, ни общество не представляли себе, во что ввязываются. Представления о реальных процессах были скудными. Критическую роль играло время — 10 лет экономического кризиса в России и на постсоветском пространстве, 4–5 лет в Восточной Европе и в странах Балтии. Цели трансформации 1990-х были не ясны, образ будущего практически не обсуждался. По умолчанию

считалось, что сразу появятся благосостояние, демократия и справедливость.

К нынешнему дню политическая элита консолидировалась, финансовая находится в состоянии зависимости и ожидания, интеллигенция — в состоянии разочарования и ожидания, новый бизнес старается держать часть капитала в стране, а часть за границей, трудящиеся рассчитывают на спокойную жизнь, «пока есть нефть». Экономический кризис и отсутствие механизмов контроля не создали инвестиционного процесса, не говоря уже о климате.

В результате приватизации из всего пучка прав собственности в частные руки перешли только пользование и управление. Их надо было «закрепить» владением, но оно ушло в офшоры. Следствием этого стало то, что корпоративная политика оказалась никак не связана с проблемами страны. Перетягивание собственности в госсектор имело результатом перераспределение, но вряд ли повысило эффективность. Угроза лишения контроля порождает стремление «продать и бежать» — либо управлять извне, заплатив за вход в мировой финансовый класс, либо держаться за политическую элиту против экспроприации снизу или извне (что не помогает против экспроприации со стороны «своих»).

В итоге страна не смогла сохранить уровень развития при переходе от среднеразвитой плановой к рыночной экономике. Более того, прежние достижения были утрачены, и Россия уже в опасности. В стране с таким неравенством не может быть чистого либерализма или простого дирижизма. За 25 лет так и не были сформулированы стратегия и большая цель. Интересы элит приобрели «защитный» характер: массы не в восторге от происходящего, государство зажимает, внешний мир выглядит опасным. Впереди — гибридная политика на одно-два поколения, если сможем договориться внутри страны. Это тем более верно в случае усиления внешнего нажима. Дальнейшее развитие возможно при условии достижения компромисса между целями основных игроков внутри страны.

На этом XVI «Леонтьевские чтения» завершили свою работу, но организаторы уже выбрали не менее плодотворное поле для дискуссий в феврале 2018 года: «Экономическая теория: кризис или расцвет?».

Ekonomicheskaya Politika, 2017, vol. 12, no. 2, pp. 208-217

Andrey P. ZAOSTROVTSEV, Cand. Sci. (Econ.), Senior Research Fellow, The ICSEER “Leontief Centre” (25, 7-ya Krasnoarmejskaya ul., St. Petersburg, 190005, Russian Federation).
E-mail: zao-and@yandex.ru

**The XVI Annual International Conference “Leontief Readings” —
“Russia 1917–2017: European Modernization or Sonderweg?”**